

ОПАВШИЕ ЛИСТЯ или Сорок бочек арестантов

Пётр Чусовитин

Прошло не менее двух часов, как три безответственных болтуна пришли к четвёртому обсудить вопросы вкуса, стиля, образа жизни, но хотя выпито уже немало, ни один из них так и не прояснён. Даже вопрос о Боге и тот не решён.

... – Тише, тише, - вдруг напрягается Фомич, - Петруха, сделай погромче, кажется ещё один иллюминат погорел. Ай, яй, яй. Какой светильник разума погас. И отделилось и воспарило на раскинутых крыльях в летательном исходе его Ка, его Ин и Янь... Любимый тележурналист.

– Да, да, - с деланным горьким вздохом отзывается ВэКа, поднимая из винегрета отяжелевшую голову, - уходят самые лучшие, самые порядочные. Знаете, чем порядочный человек отличается от быдла? Ах, да, я забыл, откуда об этом знать мазурикам, привыкшим обедать на газете?

Голос его наполняется пафосом: он отличается тем, что ни разу – понимаете?! ни разу в жизни не солгал. Кто из вас, босяков, если в нём осталась хоть капля правдивости, может похвалиться тем, что никогда не лгал? Порядочный же человек может, будь он хоть трижды женат. Потому что он порядочный.

– Какая низость! – картинно возводя очи горе и истерично заламывая руки, восклицает Спировчанин, – христианин при живой, позорно брошенной жене, под жалобный стон покинутого ребёнка, зовущего: папочка! папочка! валяется в постели с другими женщинами и при этом принимается в высшем обществе, берёт интервью у первых лиц государства, продолжает считаться порядочным человеком! Невероятно! Это не укладывается в голове.

– Ну, где же тебе понять! Вот из-за таких ханжей многие из порядочных людей, чтобы сохранить безупречную репутацию, до сих пор считают правилом хорошего тона трахать собственную высоконравственную мать или благовоспитанную дочь, подлинную леди, лишь бы не оказаться в цепких когтях болтливой уличной женщины, за чью нравственность они не могут поручиться. К счастью, в цивилизованных странах, наконец-то победили более современные каноны приличий.

Теперь там за верх интеллигентности и порядочности принято, – доложу я вам, – трахать принцессу Диану или принца Чарльза. И притом это надо делать не в кровати по-совковому, а в разгар прамоушена или на саммите, с внезапными порывами страсти, не снимая лыж, а ещё лучше прямо на столе в Овальном кабинете, где подписываются судьбоносные решения. Я вам так скажу: если у Димы Якубовского было что-нибудь подобное с Хилари Клинтон или с директором ЦРУ, – он, как-никак не занюханный английский капитан, а натуральный еврейский генерал, – значит он точно один из самых-самых порядочных людей нашего времени.

Но Фомича, похоже, не занимают выдумки окосевшего друга. Его глаза прикованы к экрану. При виде мертвеца с лицом, на котором застыло чувство глубокого непреходящего удовлетворения от особенно удачной передачи, он, кажется, целиком обращается во внимание и мерзкую, ехидную, всё шире расползающуюся ухмылку. Врождённый циник и матёрый человеконенавистник, Фомич, блаженно пофыркивая, словно бы купается в потоке электронного облучения.

... – Это выстрел во всех нас! – не унимается постный голос из ящика. – Мне тоже не раз угрожали, это выстрел в сторонников реформ...

- Несомненно! – искренне соглашается Петруха, до глубины души пленённый пронзительно-проникновенной убедительностью риторики бога из машины...

– Это выстрел в сторонников свободы, сторонников президента...

– Ну и толпа! – ахает Фомич, – говорят, такого наплыва не было со времён кончины Авдея Дмитрича Сахарова...

– Скорее Баумана.

– Смотрите: идут давать клятву верности.

– Гроб-то, не гроб, а рояль, огромный как сердце Бонивура, миллионов на двадцать пять, – восторгается Спировчанин, – в Спирове старухам расскажу, не поверят. ВэКа, объясни, что это за люди?

– Объясняю: это охваченное оргазмом «гражданской скорби» так называемое российское общество, месиво проидох и простецов. Вот шествуют гиганты демократии, думские милюки и маклаки. За ними шкандыбают грустные певуны и плясуны, каббалисты и таксодермисты, уфологи и антисемитологи. Дружбонародоносцы, славянофилы в телесах, человекообразные полипы. Сочинители прелестных грамоток и возмутительных листков. Дитя добра и света Марк Дейч...

– Узнаю мастеров пера, – смеётся Петруха, – эти слов не понимают. Ты ему слово – он тебе два. Их только дубьём и можно пронять. Кстати, я буду страшно разочарован, если среди столь ослепительного созвездия талантов не сыщется и одного, который в связи с постигшим его безмерным горем сумеет разродиться чем-нибудь нетленным, вроде «Смерти Ивана Ильича», с патетическим финалом: «...Смерти не было. Вместо смерти был свет». Впереди с отверстыми объятиями Влада ждало бессмертие. Вид его выражал прелесть неизъяснимую.(нрзб). В конце концов этого требует даже долг вежливости. Да и кто такой член Судебной палаты Головин? Ничтожный крючокотвор. Влад рядом с ним – просто настоящий Прометей игривого, комильфотно–обаятельного, комфортабельного житья–бытья, можно сказать гений «мыслей текущего момента», неутомимый насадитель новой аксиологии, неподдельный герой нашего времени, поклонявшийся только одной святыне – собственности, до последнего момента обнимавший мошну с деньгами. Нет, улыбочивый Владик, если и был продажным, то не поневоле, а по убеждению. Это ж «совсем другое дело».

– Зато он, по крайней мере, не был, подобно миллионеру Максиму Горькому, двуличным певцом голодранцев, – подзадоривает Фомич.

– Да, да. И вполне вероятно, что если бы его умному симпатичному убийце заказали убить другого, они бы летом, распластавшись под пальмами в соседних шезлонгах на берегу южного моря и любуясь на живописно заходящее солнце, без труда столковались на том, что каждый продаёт, что может: журналист – мозги, проститутка – влагалище, футболист – ноги, рабочий – руки, безработный – почку, киллер – умение убивать, и о чём тут спорить? Бизнес есть бизнес. Кому как повезёт. Куда подевалась соль?.. Так что жмурик, в отличие от ползущего мимо гроба стада зарёванных кошёлков со свечками, безутешных от сознания, что они не сумели защитить его от пули своими грудями, знал цену риска.

Да, широка и любвеобильна русская баба. Вот кого бы сузить, - соглашается ВэКа, раскрывая баночку с килькой, - всех-то ей жалко. Пару швов наложить не мешало бы, пока жалеяка не сломалась. Вон Алла Дудаева нарожала сыновей от чеченца и теперь их русским же парням отстреливать приходится. Ну, не парадокс ли? – Скажите, а Холодов – русский? – спрашивает Спировчанин.

– Нет, конечно. Кабы он был настоящим русским, то попросил бы открыть свой кейс Пашу Гусева.

– Как с вами страшно, вы не люди, вы звери! – содрогается впечатлительный Спировчанин. – Вдумайтесь, убит священник, убит по дороге к храму. И никто из вас в знак протеста не покончил с собой! Куда же мы катимся? Вся жизнь о.Александра была сплошной Голгофой. Ведь легче кошек в белок переделать, чем иудеев в христиан. А он их, говорят, более шестисот личным примером в божий вид привёл. Поймите, негодяи, ведь каждого из нас Спаситель на том свете спросит: а что ты, сукин сын, сделал для того, чтобы Мень остался жив?! И что мы ему ответим?

– Правду. Уж коли со дня его смерти свыше четырёхсот человек сознались в этом убийстве, то значит не сознавшихся в нём и вовсе невозможно сосчитать. Нам ли лезть в спасители? А он где был, сукин сын, почему он не спас? И потом, если бы этого ханурика погасили не по дороге к храму, а утопили в нужнике, как Мандельштама, это что – было бы менее почётно?

– Слушайте, слушайте.

...Правительство во главе с Олегом Сосковцом на своём заседании почтило память Листьева минутой молчания. В скорбном безмолвии, оторвавшись от замерших коров, застыли российские фермеры... «В этом убийстве заинтересованы силы, намеренные перехватить власть в стране», – заявил Сергей Грызунов. Продолжают поступать тысячи телеграмм соболезнования от президента ЮНЕСКО г-на Филиппа де Майора до президента Забайкальского камвольно-суконного объединения г-на Филиппа Залупишина. Общественность Азербайджана, Абхазии и Колумбии в шоке. Ошарашен Дудаев и его боевики.

– Но, как ни странно, насколько я помню из школьных уроков, больше всех в таких случаях сокрушается природа, – замечает Фомич. – Только где кого грохнут – с ней истерика. Лебеди орут, как недорезанные, деревья в изнеможении клонятся к долу. Хорошо хоть, что общественные чувства устанавливаются пока явочным порядком, а не законодательным или приказным путём. Представляете: убьют какого-нибудь шута горохового и правительство объявит национальный траур.

– А это кто? – Всё тот же, что и у гроба с трупиком Димы Холодова, вьющийся, как муха над падалью, Ясен Засурский. А это, вроде бы, Василий Самуилович Шахновский. При одной мысли, что его может не стать, стесняется дыхание и темнеет в глазах. Тоже всегда там, где смердит. Далее, превосходящий в понятливости дельфина Гайдар и везде свой Руцкой, две Тани – Миткова с Макаровым, воины-интернационалисты Хинштейн, Ворошилов с краденой фамилией, чистая как слеза Анны Франк, киноинетчица Ицыкович...

– Нет, это Растропович...

– Во всяком случае это не «Погребение графа Оргаса» и не «Похороны в Орнате», – говорит Петруха.

– Это вообще не похороны. Но тогда что это? – вопрошает он, тревожно озираясь.

Демонстрация силы «людей доброй воли»? Парад франкенштейнов? Если это плановое жертвоприношение к предстоящему балу, то почему нет Минкина? Без него никак нельзя. Помнится, в известном романе, на весеннем бале у Сатаны, среди первостатейных убийц, доносчиков, растлителей, отравительниц, сводниц и вампиров блистала и некая Минкина. И, по-видимому, не случайно бес с простой лошадиной фамилией «Коровьев», принимая её, воскликнул: «Госпожа Минкина, ах как хороша! Немного нервозна. Зачем же было жечь горничной лицо щипцами для завивки!» Обратите внимание: не Баткина-Задкина и не Хенкина, а Минкина. Надеюсь не надо напоминать, что у героев классических произведений не бывает случайных фамилий. Уж не являлась ли эта стерва дочерью или внучкой того самого Минкина, который был тестем Евно Азефа, и бабушкой нынешнего отравителя духовных колодцев из «Масонского жидомольца». То-то, я смотрю, этот жрец тетрархократии иногда не без удовольствия «починяет примус»...

Разговор на время стихает.

«Станный тип этот Петруха, – думает Спиридович, – если судить по взглядам, то, в основном, идеалистическая сволочь, т.е. не потому что идеалистическая, а потому что сволочь. Стоит поставить у него перед глазами любую гадость, и он тотчас начинает о ней мыслить. Патологический юдофоб. Лиши его возможности причинять евреям зло, он причинит его себе. Пристрелить его что ли, чтобы не мучился?»

– Но и Спиридович тоже хорош. Скорее добр, чем зол, и не ревнив, но доверчив. Поэтому наверно и придушил уже не одну под горячую руку. Человек, по воззрениям Петрухи, легкомысленный, ибо считает, что правду можно говорить только из ненависти к людям, но иногда по пьяни, «называя вещи своими именами», вносит немалый вклад в герменевтику.

Вот и теперь, после непродолжительного молчания он, с выражением, исключаящим всякое противоречие, вдруг уверенно заявляет:

– Дело – дрянь! И это, по-видимому, такая же непреложная правда, как та, что все москвичи – воры. Не кажется ли вам, что происходящее на экране – просто плод нашего группового больного воображения? Невозможно представить, что это гнусное массовое безобразие, свидетелями которого мы стали – явь, и не эпический бред сивой кобылы. Может быть, всех этих, как мы ложно считаем, опознанных объектов вовсе и не существует в природе?

– Я тоже склоняюсь к этой мысли, – поддерживает Фомищ, – вполне вероятно, что видимые нами, сливающиеся, как бы в пароксизмах политического свального греха, гроздь астральных тел и эфирных созданий – результат внезапного приступа нашей коллективной бессознательной некромантии. И, коль скоро, причина названа, а эфир, вопреки ожиданиям продолжает стремительно наполняться люциферами, то предлагаю наполнить бокалы и принять противоядие. Может, тогда они исчезнут? Помнится, такое случалось и с Адрианом Прохоровым.

– Решительно протестую! – изрекает ВэКа.

– Радужный гробовщик приглашал своих клиентов, а эти сами без приглашения лезут, не выгонишь. Истинно говорю вам: раз умершее никогда не оживёт, хоть тресни. И слава богу! Они живые – вот в чём ужас. Но ещё ужаснее то, что и очоуриваясь и превращаясь в упырей, – тут вы правы! – они продолжают хватать живых, т.е. отнимать у них время и, следовательно, жизнь. Вот почему с ними сладу нет. Недаром незабвенный Антон Павлович говаривал, что «мёртвые сраму не имут, но воняют страшно», ибо чего им стесняться? Кто бы помнил, к примеру, таких допотопных вурдалаков, как Ефим Копелян, или хоть Лев Свердлин, если бы они не захватили пространство жизни с помощью электронной сети? Уже и теперь по всем каналам иной раз одновременно выступают чуть ли не одни дохляки: по одному Миронов-Менакер отплясывает, по другому Раневская скалится, по третьему Бернес за душу хватает – поневоле уже при жизни чувствуешь себя на том свете. А когда нынешние передохнут, живых и вовсе перестанут показывать. Одна потусторонняя охранка будет из ящика на Россию тарашиться.

- Ин-фер-нально! – задумчиво тянет Петруха.

- Они всё на вечно «живого Ильича» кивают, - продолжает ВэКа, - но сами пострашнее. Тот хоть лежит, не дрыгается. А эта нежить ещё перед нашими внуками-правнуками будет на экране маячить, чужой век заедать, про свои замечательные убеждения рассказывать. Нет, я не чаю воскрешения мёртвых посредством обмана чувств. Петруха, ты по Серафиме Бирман ещё не соскучился? Готовься, цыплёночек, ближе к ночи явится. Ну, давайте выпьем.

- За что? За окончательное решение известного вопроса или за катарсис?

- Пока за вчерашний день, его-то у нас никто не отнимет. Фомищ, бери на грудь, поддержи морально. Ты – Шапиро, я Шапиро, мы с тобой два разных мира... Три-пятнадцать!

... Хорошо пошла. – Ну, а что, если в самом деле никакого Листьева не было? Так, мираж один.

- Как не было? Смотри, вон его, кажись, в храм заносят. – Вот это зря. Очень неосмотрительно. Бог может услышать их молитвы и тогда пострадает не один Листьев.

- Как знать. Может явится он перед Богом и тот ему растроганно скажет: да знаешь ли, раб мой, что ты святой! Знаешь ли, дружище, что твоя греховность тысячи угодников божиих стоит! И поручит ему в аду чертей викторинами и расспросами донимать. – Кто это безутешных в храме встречает? Уж сюда-то бесы не сунуться. Чуть не сам святой Пётр с ключами. Ваше августейшее великомученичество ... Позвольте чудотворную ручку облобызать! Недостоин, - понимаю, о, как я это понимаю! – гнусен, подл, антисемитичен, но позвольте, однако же, блудному сыну к стопам припасть, ваше святейшее преподобие! Только и радости, что прильнуть к краю одежд порядочного человека. «Девятнадцать попов с куплетистами хоронили невесту мою», - мелко крестясь, бормочет ВэКа.

- А ведь не исключено (чур, меня), что не другой, а как раз этот святоша втайне считает христианство дрянной еврейской басней. Помолится этак, покадит, а потом, грешным делом весьма пропедевтически и подумает, что Мария, разумеется, шлюха, родившая Христа от римского солдата-алкаша. Христос, естественно, выблудень, зомбированный маньяк, импотент и дегенерат, жалкая марионетка еврейских спекуляций, Иосиф – сутенёр. Иоанн Креститель, соответственно, рекламный агент, имиджмакер. Апостолы - банда гомосексов, торгующих гнилым

идеологическим товаром в теократической упаковке. Андрей Первозванный – типичный засланец, религиозный диверсант. Вобщем, все они до единого были обыкновенные иуды.

- Ну, нет! Меня с толку не собьёшь. Убеждён, этот служитель божий Христа ни за какие коврижки не продаст! – возражает Спировчанин. – Иначе я просто перестану верить в человеческую порядочность. Заяц трепаться не любит. Уверен, сей праведник только и думает, как бы Богу угодить да душу спасти. Во всём себе отказывает. Уляжется во власянице на голые доски и размышляет: да, конечно, Борис Абрамыч Березовский из «ЛогоВАЗа» ест слаще, спит мягче, но душенька-то его как ужасно страдает! Забудется и во сне мечтает за Христа погибнуть. Нет, оный муж, помяните мои слова, за Христа, не задумываясь, и на рогатину, костёр и плаху пойдёт. По полёту видать, что это не Иуда и не Пилат!

- Вот Пилата действительно оболгали, - без колебаний заявляет ВэКа, - и я бы тем, выдающим желаемое за действительное литераторам, которым не даёт покоя его нравственный облик, посоветовал то, что рекомендовал доктор Стравинский Ивану Бездомному: «...Не напрягайте головы и старайтесь поменьше думать о Понтии Пилате». Зря только сам Мих. Афанасьевич не воспользовался разумным советом своего персонажа. Действительно, с какой стати Пилату, подлинному римлянину, словно замоскворецкой дуре из пьесы Островского, приписывается невротический интерес к бродячим проповедникам? Клянусь Юпитером, если кто и не нуждался ни в том, чтобы прислониться к учению Христа, ни в том, чтобы опровергнуть его, так это Пилат. Он добросовестно, сколько было сил, отбивался от взбаламученной Христом израильской шушеры, и явно не желал иметь не с ним, ни со сворой его неистовых обожателей и, жаждущих казни, бешеных хулителей ничего общего.

Ваше здоровье! Передайте плавленый сырок, сэр. Спасибо. О чём бишь я... Так вот, и, наконец, уступая пламенным требованиям тогдашнего, по счастью ещё не «мирового», но столь же крикливого «общественного мнения», Пилат «умыл руки» и сел читать Горация. Писателю же мерещится: «Протягивается широкая лунная дорога и на эту дорогу поднимается человек в белом плаще с кровавым подбоем и начинает идти к луне. Рядом с ним идёт какой-то молодой человек в разорванном хитоне и обезображенным лицом. Идущие о чём-то разговаривают с жаром, спорят, хотя о чём-то договориться». Врёт и Бога не боится. О какой истине можно спорить с тем, кто считает себя её монопольным воплощением? Зачем на Пилата напраслину возводить? И опять же это «обезображенное лицо», как будто истина доказывается крестной мукой, а мука доказывает истину! Тьфу! Самое уморительное, что писатели, любящие уснащать свои писания эпитафиями из Евангелия, не замечают, что они воспринимаются примерно так же, как цитаты из их сочинений, если их вставить в Евангелие. Помните у Достоевского...

Но что это? Друг Человечества внезапно замечает модные очки, водружённые на носу дорого упокойничка, лежащего барином в центре храма.

- Владушка, на что тебе стёклышки? – спрашивает оратор вкрадчиво-сладеньким голоском Рины Зелёной и вдруг, дико ослабившись и неожиданно вцепившись в рукав шарахнувшегося Фомича, под общий вопль ужаса, отвечает торжественно-загробным голосом Левитана: чтобы лучше видеть тебя, дитя моё!!!(...)

«Вечно всё опошлит. Только расслабились... ВэКа, конечно, на редкость логически бесстыден, - не без сожаления думает обиженный Фомич, - и к тому же волонтарист, похлеще бл. Августина с Хрущёвым. Но зато, быть может, благодаря своему бесстыдству легко распознаёт его и ненавидит в других – пытается он оправдать урода».

А присмиривший ВэКа, вспомнив, как Фомич недавно безжалостно издевался над первейшими русскими умами, отводящими русскому народу функцию строительного раствора между инородцами, явно охвачен рвотным припадком метанойи.

Надо бы быть с сумасбродом повежливее – решает он.

- Но, согласитесь, что какая-то вера всё-таки нужна, - прерывает минутное оцепенение Спировчанин, от нервного возбуждения произвольно издавая тот звук, про который говорят, что это душа с Богом разговаривает, - не Вера Инбер, конечно, волосы и лоб, но нужна. Иначе получится «вакуум». Ты-то сам, что думаешь про Христа, это правда или нет? – обращается он к

отсутствующему Петрухе. А то я очень переживаю. Может я не тому Богу молюсь? Может есть какой-то русский Бог, который поважнее Христа с его папашкой?

Тот напряжённо трепещет на причинно-следственной цепочке, глумливо изображая мучительную работу мысли и, наконец, радостно сообщает:

- Воистину Воскрес! Уж ты мне поверь. Здесь двух мнений быть не может. Иду я, значит раз ночью по Пресне от одной лахудры и кэ-э-эк звезданусь об угол, и сразу, понимаешь, небеса разверзаются, там этих шестикрылых серафимов целая прорва, и кто-то ласково так спрашивает: Петруха, за что ты гонишь меня? Хочешь ещё добавлю? Мало не покажется. Как после этого не уверовать? Так что ты лучше верь. Здоровеньким помрётся.

- Я тоже долго не верил, что «лошадь Пржевальского» - никакая не лошадь, а дикий бухарский еврей, пока скелет не увидел, - говорит Фомич, - но насчёт Христа меня сомнение одолевает. С одной стороны ясно, что без него не может быть ни штабс-капитанов, ни серных ванн, а с другой, например говорю, если свата самого министра культуры Гену Хазанова прямо на концерте называют жидом пархатым, если неизвестные злоумышленники кончают одного за другим порядочных людей, то где он, ваш Христос? Когда в нём нет нужды, он тут как тут, приветы шлёт из-за царских врат, чистенький, идейно выдержанный, будто только партчистку прошёл. Придите, дескать, ко мне труждающиеся и обременённые, и я прямёхонько приведу вас в Бенарес, дивный лотос совершенного Будды, где каждый получит по хакамаде. А начинается пальба, грабёж, безобразия и его не докричишься. Почему он не наказывает злодеев?

- Он и наказывает, считает своим долгом заступиться за Бога ВэКа, - Бог не фраер. Неправды не потерпит. Вон, видишь, - продолжает он, указывая на сборище поклонников Листьева, сколько злодеев наказал он одним махом. Едва ли пылкие свободолюбывы примирятся с горьким предположением, что Россия – глубоко антибуржуазная страна, где лучше быть бедным и больным, чем здоровым и богатым, но убитым. Однако, если сейчас по ним популять ещё немного для острастки, они, пожалуй, снова начнут погибать от неразделённой любви к начальству. Как бы не заверещали, что «Россия – родина слонов». На большее-то всё равно не годятся, так хоть шерсти клок.

- Ну хорошо, если согласиться с тем, что Боженка по справедливости лупит в первую очередь по порядочным, то почему он тогда и Лужкова заодно не огреет? – чешет в затылке Фомич.

- Скоро огреет так, что он и Листьеву позавидует. Дело в том, ваша честь, что Бог сейчас в большом недоумении. Мэр ведь тоже не дурак. Одной рукой христоролюбивый и равноапостольный храмостроитель Юрий Михайлович возводит «рай» на месте бассейна «Москва», а другой аки бес по проекту бухарского иудея Улькина роет ад кромешный под Манежной площадью. Этому Улькину только вьюки за Пржевальским таскать, а он, вишь «проектирует». Наверно хочет ещё раз подтвердить правоту Маркса, открывшего, что даже самый плохой архитектор, пусть и в худшую сторону, но отличается от пчелы. Но, думаю, как только Всевышний разберётся в двурушничестве мэра, так его и уроет. Тут ему будет и инфаркт и инсульт и все тридцать два удовольствия. Пожалуй, и контрольный выстрел не понадобится. И поделом. Не рой яму другому.

- Хорошо сидим, достойный Луцилий... Кстати, это не мэру ли пришла в голову бредовая идея подарить Дюссельдорфу бюст Пушкина, в ответ на подаренный Москве бюст Генриха Гейне? Обмен явно не равноценный. Было бы справедливо выслать немцам бюст поэта одной с Гейне национальности, например Якова Блюмкина. То-то бы потомки графа Мирбаха обрадовались.

- Ну, вроде бы, всё, - перебивает Фомич. – Отчирикали. Закапывать собираются.

- Где?

- Между «социально близкими» Квантришвили и Высоцким. Да, умер Максим... «Покойся, милый прах, до радостного утра». Нет, блин, опять речами исходят. «Последние слова» говорят. Не наговорились ещё. Похоже, так и остаются в убеждении, что это «несправедливо», когда сами они оказываются среди «опавших листьев», зарытых по обочинам дороги, ведущей к «храму благоденствия». Дескать, мы же порядочные. Нас надо беречь. Как будто порядочность даёт право на привилегии перед лицом смерти. Что, интересно завещал им великий ВЛАД? Класть больше заварки? Отдыхать почаще на Кипре?

Петр Чусовитин Победа

- Налей-ка мне, Фомич, - говорит Петруха, - дай я им тоже скажу...
Он, поворачиваясь, встаёт.

- Ну и наинаугурачуся я нынче. Что же вы орёте при виде смерти, как мартышки при виде удава, вши лобковые? – говорит он, обращаясь к мельтешащим фигуркам. – Не нравится? Хотите и рыбку съесть и чистенькими остаться? И что вы суёте под нос своё поганое горе? Ну, погиб, «погиб он и не нужна ему никакая телеграмма». Такие ли люди умирали? «Умер Патрокл, несравненно достойнейший смертный». Что же вы по нему не скорбите? Таскать вам не перетаскать, ни дна вам ни покрышки. Посмотришь на вас, да и подумаешь, насколько честнее умереть безвестным среди безымянных. В гробу я вас видал. От вас тошнит. Вас НЕ НАДО, ни живых, ни мёртвых. Читайте, падлы, вкушайте. Сие есть тело моё.

Апрель 1995 года